

К.Ю. Рахно

УКРАИНО-АЛАНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ

Наличие украинско-североиранских параллелей неоднократно отмечалось в современной украинской этнологии. Они позволяют по-новому осветить ряд спорных вопросов этнической истории Восточной Европы, а также в определенной степени реконструировать некоторые этапы процесса формирования этнокультурного облика населения Украины, на которое длительное время оказывали влияние ираноязычные кочевые обитатели степей. Скифы, сарматы, а во времена средневековья и аланы, находились во взаимодействии со многими восточноевропейскими этническими общностями неиранского происхождения, прежде всего славянами. Именно этим можно объяснить различные аналогии в культуре украинцев и осетин. Многовековые контакты предков современных украинцев с сарматами и аланами не прошли безрезультатно, а оставили заметный след в антропологии, языке, идеологии, духовной и материальной культуре украинцев. Это побуждает к поискам не только иранизмов в лексике и топонимике, но и иранского фрактала в украинском культурологическом материале. Усваивались не только хуторское хозяйство, каркасно-турлучный тип жилища, кочевническая одежда, обувь или орнаментика. Последствия североиранского культурного влияния до сих пор заметны во многих проявлениях духовности украинцев. Период совместного обитания с сарматами и аланами оставил следы в украинском фольклоре. Взаимодействие украинской фольклорной системы с сармато-аланским эпосом, входящим в индоиранскую традицию, дало качественно новые результаты в виде сложения синтетических, стадияльно более поздних мотивов, которые отразили в себе в переработанном виде воззрения древних иранцев. При этом в обрядности украинцев появилось много элементов, представляющих прямые заимствования от предыдущего, дославянского населения [7, с. 156-159; 6, с. 277-289; 14; 17, с. 96-140; 16, с. 28-136; 3, с. 61-64; 4, с. 64-72; 12]. Они нуждаются во всестороннем, прежде всего, компаративном изучении.

В сложившейся ситуации вполне закономерным представляется использование нарративных документов средневековья в качестве этнографических источников. Сведения об обрядах и обычаях средневековых аланов (ясов) можно отыскать в некоторых историко-литературных памятниках XV века. Восточную Европу в ту пору посещали, помимо рыцарей и миссионеров, также коммерсанты, дипломаты, ученые, связанные с новой, ренессансной культурой, которая расцвела в городах Италии.

В XIV-XV веках украинские и южнорусские земли входили в зону активной коммерческой деятельности итальянских городов-республик. На северных берегах Черного и Азовского морей существовали тогда итальянские колонии, среди которых выделялась генуэзская колония Каффа в Крыму и венецианская колония Тана в устье Дона, которую итальянские медиевисты даже называют северной Александрией того времени [11, с. 88]. В XIV-XV веках и Каффа, и Тана были широко известны в Италии, сюда совершали путешествия не только из Генуи и Венеции, но и из других городов и регионов страны, и это способствовало пробуждению интереса также к землям вокруг этих колоний и их истории.

На этом этапе самую большую активность в изучении юга Восточной Европы обнаруживали венецианцы, которые вообще сыграли огромную роль в развитии географических знаний. Вступив в XV веке в тяжелую борьбу с растущей Османской империей, Венеция начала также активную дипломатическую деятельность в восточной Европе и на Среднем Востоке, ища союзников; их она усматривала в Персии, Московии, Польше, а впоследствии и в украинском козачестве. О своих путешествиях и миссиях венецианцы подробно

отчитывались перед сенатом, и отсюда их знаменитые *relatione*, имеющие большую познавательную ценность. Они представляют собою широкие историко-географические панорамы со сведениями описательного характера о разных странах – топографическими, экономическими, этнографическими, политическими, с историческими экскурсами и иногда даже со статистическими таблицами; многие из них содержат также конкретные зарисовки увиденного и пережитого, фиксации впечатлений, нередко с осязаемым элементом художественности.

Одно из самых интересных описаний юга Восточной Европы, появившихся в Венеции XV века – это «Путешествие в Тану» Джосафата Барбаро. Его автор в 1436 году прибыл в эту венецианскую колонию на Дону и прожил там около шестнадцати лет. Он принадлежал к старинному роду, многие представители которого занимали видные посты на дипломатической, военной и административной службе, а также имели крупные торговые интересы в колониях. Хотя в дошедших до нас источниках нет прямых указаний на то, что Барбаро занимал в Тане какой-либо официальный пост и сам он об этом также умалчивает, в позднейшей литературе высказывают предположение, что Барбаро был направлен в Тану в качестве посла Венецианской республики. Он, несомненно, имел большие связи с администрацией этого важнейшего центра влияния в северном Причерноморье. Это обстоятельство, а также многолетняя коммерческая деятельность в Тане позволили Барбаро собрать ценные сведения о населении прилегающих к этому городу областей.

Здесь, в Тане, Барбаро владел рыбными ловлями и занимался торговлей, сбывая продукцию своих промыслов в страны восточного Средиземноморья. Кроме того, он был знатоком драгоценных камней и жемчуга. Сочинение Барбаро особенно интересно тем, что в нем конкретно, местами очень ярко, с художественной выразительностью описана повседневная жизнь этой итальянской колонии в низовьях Дона, заброшенной в безграничные и очень беспокойные степи «Татарии». Этот чуждый и своеобразный мир, часто угрожавший опасностью, подступал к самым стенам Таны, с которых можно было вплотную наблюдать за его жизнью. Татарам уделяется главное внимание, поскольку это были самые сильные и опасные соседи колонии, от которых прежде всего зависело её благополучие. Барбаро знал татарский язык и часто общался с ордынцами, что дало ему возможность достоверно и колоритно описать их способ жизни и обычаи, быт и занятия. По возвращении на родину он через несколько лет вошел в среду правителей республики и последовательно исполнял государственные поручения в Далмации, Албании, Персии, а к концу жизни – в самой Венеции.

Практик и дипломат, Барбаро не принадлежал непосредственно к гуманистам, но ренессансная культура не прошла мимо него, да и происходил он из венецианского патрициата, восприимчивого к этой культуре. Из его рода, известного в Венеции, вышли гуманисты Франческо Барбаро (1398-1454), автор многочисленных эпистол, филологических разысканий и переводов из Плутарха, кардинал Даниэле Маттео Альвизе Барбаро (1514-1570) – автор комментариев к переведенному им Витрувию и трактата о перспективе в изящных искусствах, а также Эрмолао Барбаро (1452-1493), известный как переводчик Аристотеля и автор комментариев к сочинениям Плиния Старшего, в письме к нидерландскому гуманисту Арнольду Босту упоминающий в 1486 году «еще одного Барбаро – тоже нашего родственника», который «был послом к персидскому шаху» [5, с. 72-73], то есть автора «Путешествия в Тану». Это произведение было написано Джосафатом Барбаро уже на склоне его длинной и бурной жизни, где-то на рубеже 1490-х годов, впервые издано известным издателем Антонио Мануцио в Венеции в 1543-1545 годах как начальная часть большого путешествия Барбаро на Восток – в Персию и смежные страны, вплоть до Средней Азии и Индии, а в 1606 году в сборнике знаменитого издателя описаний дальних странствий Джованни Баттисты Рамузио увидело свет переиздание этого сочинения. В нем выразительно проявляются черты, свойственные опеределенному типу ренессансных

историко-литературных памятников, в частности, живой интерес к прошлому и древностям посещенного края.

К сожалению, исследователи аланской проблематики уделили известиям Барбаро довольно мало внимания в историко-этнографическом отношении [1, с. 35; 2, с. 237-238, 263; 6, с. 140-141, 170-172; 8, с. 272]. Между тем, они содержат ряд важных сведений об аланах. В частности, в описании своего путешествия в Тану Барбаро сообщает о сохранении топонима Алания на Северном Кавказе, предкавказских и приазовских землях: «Равнина Татарии представляется человеку, стоящему посередине, в таких границах: с востока она имеет реку Ледиль [Волгу]; с запада и северо-запада – Польшу, с севера – Россию, с юга, там, где земли обращены к Великому [Черному] морю – Аланию, Куманию, Газарию; последние страны все граничат с Забакским [Азовским] морем (la Alania, Cumania, Gazaria, i qual logi tutti confinanj sul mar dele Zabache)». Он упоминает «реку, где раньше была Алания (el fiume, dove era la Alania)», имея в виду Кубань или, по другим, более вероятным предположениям, Дон.

Барбаро знал о том, что аланы были дотатарским населением приазовских степей, что они исповедовали христианскую веру и были вынуждены покинуть свои земли под давлением ордынцев. Он подает в высшей мере любопытную информацию о погребальных обычаях аланов. Последним было присуще обыкновение насыпать курганы над могилами знатных людей и устанавливать на них каменные кресты: «Название Алания (Alania) произошло от племен, именуемых аланами, которые на их собственном языке называются «Ас» (populi ditti Alani, li quali nela lor lingua se chiamano As). Они – христиане и были изгнаны и разорены татарами. Страна лежит на горах, на побережьях, на равнинах; там есть множество курганов (monticelli), насыпанных руками человека; они возведены как знаки погребений. Каждый имеет на вершине большой камень с отверстием, куда втыкают крест, сделанный из другого, цельного камня (un saxo grande con certo buso, in el quale metteno una croce de un rezo fatta de un altro saxo). Эти курганы бесчисленны...». Далее идет рассказ Барбаро о его попытке вместе с другими венецианскими купцами раскопать один из подобных курганов, называемый Контебе (Contebe). В ходе раскопок были обнаружены несколько глиняных сосудов, глиняные грузила, обломок ручки от серебряного котелка в виде змеиной головки. Очевидно, речь идет о Кобяковском курганном могильнике. По слухам, перед приходом татар в нем спрятал большой клад правитель аланов Индиабу (Indiabu, sognor de questi Alani). Услышав, что «татарский хан идет на него войной, он решил захоронить сокровище, но так, чтобы никто этого не заметил; поэтому он сделал вид, что готовится для себя могилу по местному обычаю, и приказал потайно положить туда сначала то, что он считал нужным, а потом насыпать этот курган (deliberando de sepelirlo azò che niuno se ne adesse finse de far la sua sepultura secondo el lor costume et secretamente fece metter in quel logo prima quello, che a lui pareva, e poi fece far quel monticello)». Память об аланах стойко сохранялась среди татарского и итальянского населения.

Из Таны Барбаро не раз выезжал довольно далеко в глубь татарских владений, достигая иногда и аланских земель. Аланией назывались в то время также часть Таврического полуострова, а также, возможно, степное междуречье Днепра и Днестра: «далее за Каффой, по изгибу берега на Великом море, находится Готия, за ней – Алания, которая тянется по острову в направлении к Монкастро (la Gothia, e poi la Alania, la qual va per la insula verso Moncastro)...». Монкастро – крепость в нижнем течении Днестра. В этих областях все еще жили остатки аланского по происхождению населения, исповедующего восточное христианство. О его прошлом ходили смутные предания, в которых можно даже усмотреть наличие местной эпической традиции. По мнению Барбаро, «благодаря соседству готов с аланами произошло название готаланы (vicinia de Gothi con Alani credo, che sia derivato il nome de Gothalani). Первыми в этом месте были аланы, затем пришли готы; они завоевали эти страны и [как бы] смешали свое имя с именем аланов. Таким образом, ввиду смешения

одного племени с другим, они и называют себя готаланами (*et chiamose Gothalani*). И те, и другие следуют обрядам греческой церкви, также и черкесы». В первой половине XV века крымские готы, аланы и приазовские черкесы оставались христианами и не знали мусульманства.

Кроме того, Барбаро упоминает аланов среди современных ему обитателей Кавказа, подчеркивая их родство с приазовскими: «Если ехать из Таны вдоль берега упомянутого моря, то через три дня пути вглубь от побережья встретится область, называемая Кремук (*Chremuch*)... Там прекрасные степи, много хороших лесов, много рек. Знатные люди этой области живут тем, что разъезжают по степи и грабят, особенно [купеческие] караваны, проходящие с места на место. У [здешних жителей] превосходные лошади; сами они крепки телом и коварны нравом; лицом они схожи с нашими соотечественниками. Хлеба в той стране много, а также мяса и меда, но нет вина. Дальше за этим народом лежат области, населенные племенами с различными языками, однако они не слишком удалены друг от друга. Это племена кипке, татаркосия, собаи, кевертеи [кабардинцы], ас, т. е. аланы, о которых мы говорили выше (*As zoè Alania, di quali habbiamo parlato di sopra*). Они следуют одно за другим вплоть до Менгрелии (*Mengleria*), на пространстве двенадцати дней пути. Эта Менгрелия имеет границу с кайтаками, которые живут около Каспийских [Кавказских] гор, и частично с Грузией и Великим морем, а также с горным хребтом, проходящим в Черкессию» [5, с. 115-117, 128-129, 131-132, 137-140, 153, 154, 157]. В данном случае речь идет о непосредственно соседствующих с кабардинцами предках нынешних осетин. Таким образом, в первой половине XV века в степях Северного Причерноморья и горах Северного Кавказа обитали одни и те же группы аланов, которые в качестве самоназвания использовали также этноним ас (яс). Под последним их, в частности, знал современник Барбаро, баварец Иоганн Шильтбергер [19, с. 65-67]. По его сведениям, эти аланы тоже, как и донские и крымские, числились христианами.

Данные Барбаро о христианском вероисповедании прежнего аланского населения низовий Дона находят косвенное подтверждение в акте Константинопольского патриархата от 1356 года, в котором речь идет о специальном устранении от власти аланского митрополита Симеона, который регулярно выдвигал притязания на приход в Тане, а затем, заручившись поддержкой хана Золотой Орды, незаконно подчинил себе его и начал собирать с верующих пожертвования в свою пользу. Причиной включения Таны в Аланскую митрополию могла быть только принадлежность местных православных к аланам. Следовательно, аланское христианское население действительно проживало в Тане и окрестностях всего за несколько десятилетий до приезда любознательного венецианца [6, с. 104, 140-141, 171].

В высшей мере любопытен и значим тот факт, что описанные Джосафатом Барбаро погребальные обычаи этих христиан находят точные соответствия у украинцев. Характерны они были прежде всего для воинского быта Запорожской Сечи. Если запорожский козак умирал в зимовнике либо бурдюге, его хоронили где-нибудь на склоне глубокой балки, у устья реки, близ живописного озера или среди открытой и возвышенной степи. Часто над могилой умершего насыпали большой курган. Последний обычай отразился в старинных козацких песнях [19, с. 304; 15, с. 76]. Сведения о нем можно найти также у французского дипломата, юриста и историка Жана-Бенуа Шерера. Уроженец Страсбурга, Шерер обучался в университете своего родного города, а также в Йене, Фрайбурге и Лейпциге, в начале 1770-х годов поступил на русскую службу, откуда перешел на службу французскую и занимал должность атташе при французском посольстве в Петербурге. Это дало ему возможность основательно изучить русский и украинский языки. Имя в научном мире он себе создал переводами киеворусских летописей, а также трудами по истории России и Украины. В них отразились как личный интерес автора к судьбе украинского народа, так и желание Западной Европы осмыслить Украину, пути её исторического развития и её

взаимоотношения с тремя смежными государствами – Речью Посполитой, Московским царством и Османской Портой. Из книг Шерера видна искренняя симпатия автора к украинцам и Украине, временами даже восхищение героической эпопеей борьбы козаков за свободу. Достаточно значительное место в них занимают этнографические материалы, для получения которых использовались различные источники информации, в том числе украинские. В своих «Анналах Малороссии» (1788) Шерер, среди прочего, пишет, что «запорожские и украинские козаки имели обычай насыпать курганы, или холмы (*coutume d'ériger kurgans ou collines*), чтобы хоронить в них тех, кто чем-то отметился. И если кто-нибудь погиб в бою за родину (*quelqu'un étoit mort en combattant por la patrie*), то ему сооружают такой самый мавзолей, даже когда его тело не было найдено. Еще и сегодня можно увидеть много курганов в степях...» [18, с. 68-69; 21, с. 105-106]. Очевидно, у запорожских козаков всё ещё в той или иной мере сохранялось древнее, ещё скифское представление о курганах как о жилищах умерших. Погребенным в них витязям следовало и дальше защищать земли своего народа.

Поверх могилы запорожцы устанавливали каменный крест, нередко сделанный самим покойником еще при жизни. На кресте делали соответствующую надпись [20, с. 304-305]. Именно козаки, считавшие себя рыцарями и отличавшиеся целым рядом этнографических признаков от других слоев населения Украины, сохраняли вплоть до XVIII – начала XIX века древнюю традицию увековечивания памяти своих умерших побратимов каменными надгробиями в форме креста. По наличию высеченных из цельного камня крестов в большинстве случаев и опознаются погребения сечевиков и черноморцев. Примечательно, что в Украине камню при сооружении надмогильных памятников отдавалось предпочтение не везде и не всюду, причем вне зависимости от наличия залежей. Козацкие каменные кресты в определенной мере входили в противоречие с канонами восточнославянского православия, предписывавшего устанавливать на могиле в качестве памятника деревянный крест [14, с. 98-99, 148; 9; 10, с. 9, 16-18]. Судя по всему, источником этой запорожской традиции, как и некоторых других, были обычаи раннесредневековых ираноязычных обитателей степи – аланов. Неслучайно козацкие надгробия соответствуют принятым у осетин формам крестов. Обряд погребения и связанные с ним ритуалы, как известно, являются одними из самых устойчивых элементов идеологии.

Таким образом, изучение свидетельств иностранных путешественников, дипломатов, историков XV–XVIII веков о Восточной Европе и Кавказе, имеющих этнографический характер, в очередной раз указывает на несоизмеримо более весомое иранское культурное присутствие в древней Украине, чем считалось раньше. Возрастает роль северных иранцев в процессе формирования местных субэтноссов. Каждый этап компаративных исследований дает возможность убедиться в разнообразии и многоканальности этнокультурных связей украинцев с ираноязычными народами, открывает неожиданные доказательства их реальности. И одновременно возникают новые вопросы, касающиеся временных рамок эпохи их взаимодействия и североиранского субстрата как важного фактора культурогенеза украинцев.

Список использованной литературы

1. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
2. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.
3. Байер Х-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001.
4. Балушок В. Етногенез українців. Київ, 2004.
5. Балушок В. Українська етнічна спільнота: Етногенез, історія, етнімія. Біла Церква, 2008.

6. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступительные статьи, подготовка текста, перевод и комментарий Е.Ч. Скржинской. – Л, 1971.
7. Бубенок О. Аланы-асы в Золотой Орде (XIII–XV вв.). Киев, 2004.
8. Бубенок О. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI–начало XIII вв.). Киев, 1997.
9. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.
10. Малина В. Кам'яні хрести в Україні. XVIII–XX ст. Онтологія. Типологія. Символіка. Функція. Миколаїв, 2009.
11. Моздир М. Українська народна меморіальна скульптура. Київ, 1996.
12. Наливайко Д. Очима Заходу: Рецепція України в Західній Європі XI–XVIII ст. Київ, 1998.
13. Рахно К. Украина-аланская параллель в свадебной обрядности // Основные направления развития национальных литератур на рубеже XX–XXI веков: Материалы Международной научно-практической конференции. Владикавказ, 2010.
14. Сапожников І.В. Кам'яні хрести Степової України (XVIII – перша половина XIX ст.). Одесса, 1997.
15. Стецюк В. Громовержець та міф про чудесне народження. Львів, 2004.
16. Терещенко А. Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. III.
17. Тищенко К. Етномовна історія прадавньої України. Київ, 2008.
18. Тищенко К. Мовні контакти: Свідки формування українців. Київ, 2006.
19. Шерер Ж.-Б. Літопис Малоросії, або Історія козаків-запорожців та козаків України, або Малоросії. Київ, 1994.
20. Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке. Баку, 1984.
21. Эварницкий Д.И. История запорожских козаков. СПб., 1892. Т. I.
22. Scherer J.B. Annales de la Petite Russie, ou Histoire des Cosaques-Saporogues et des Cosaques de l'Ukraine, ou de la Petite-Russie, depuis leur origine jusqu'à nos jours; suivie d'un Abrégé de l'Histoire des Hettmans des Cosaques, & des Pièces justificatives: Traduite d'après les Manuscrits conservés à Kiow, enrichie de Notes. Paris, 1788. Т. I.

Summary

The article is dedicated to the analogous rites in the funeral ceremonials of the medieval Alans, described by Giosafat Barbaro, and the Ukrainians, described by Jean Benoît Scherer. These rites can be regarded as one of the results of the cultural interaction between the Iranophone population of the Eastern European steppes and the Slavs.



Рис. 1. Козацькі кам'яні хрести-надгробки.

Кладбище козаків вздовж села Підкамінь Бродівського району Львівської області, Україна. XVII в.



Рис. 2. Козацькі кам'яні хрести-надгробки.

Кладбище козаків вздовж села Підкамінь Бродівського району Львівської області, Україна. XVII в.



Рис. 3. Аланский каменный крест.
Святылище Барзонд Хохы Уастырджи возле селения Тапакау, Северная Осетия. XIV век.



Рис. 4. Аланский каменный крест.
Святылище Морах возле селения Кобет, Южная Осетия. XIV век.

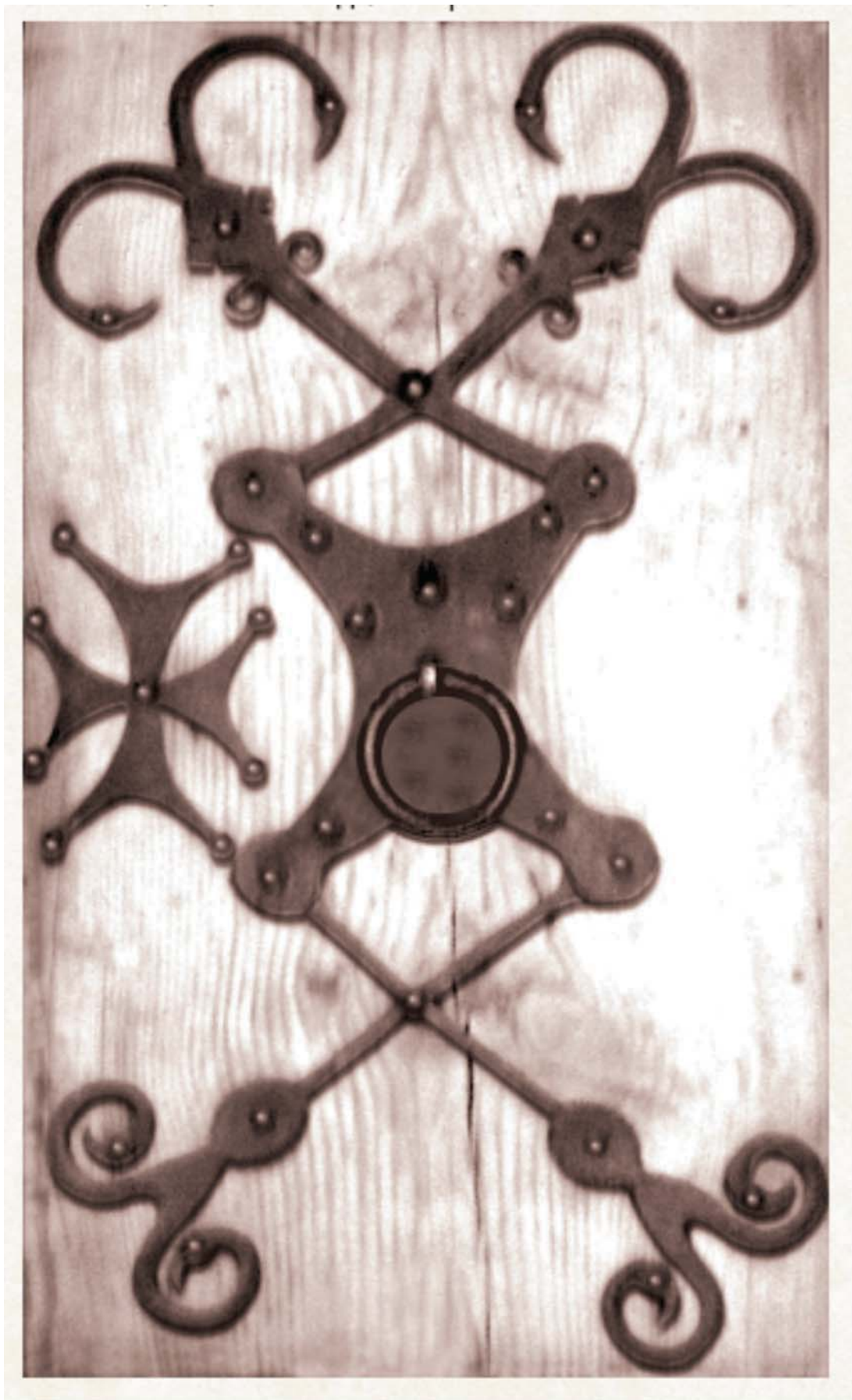


Рис. 5. Фрагмент внутренней двери святилища Реком, Северная Осетия. XIV век.



Рис. 6. Дверные кованые детали. Святилище Сидан Мыкалгабырта, Касарская теснина, урочище Сидан, Северная Осетия. XVI–XVII вв.



Рис. 7. Аланская подвеска-амулет. Раннее средневековье.